

Сакура каким-то образом поднялась на ноги: первые два шага были мучительной болью в коленях, но потом колени немного ослабли, когда она подняла задыхающегося Тадзуну на ноги. Она прижала его к себе, и он, спотыкаясь, попятился вперед, а она прошипела ему: "Не останавливайся!" - и направила его в сторону пилотской рубки, противоположную той, по которой приближался третий замеченный ею враг.

Сакура не растерялась, и он рванул вперед, переходя на бег, который все еще казался медленным до зубовного скрежета, пока он переводил дыхание. Сакура не осмеливалась оглянуться, но ей это и не требовалось. Она слышала их шаги, тяжело стучащие по палубе, слишком близко, чтобы чувствовать себя комфортно.

Она успела разглядеть их, когда они пролетали мимо: один из них был огромным толстошеим быком, скорее толстым, чем мускулистым, с густой гривой волос. Его спутник был более жилистым, его волосы - глубокого зеленого оттенка - были стянуты в длинный хвост. Последний носил меч, но она не могла припомнить, чтобы у первого было какое-либо видимое оружие.

Ее плечи напряглись в ожидании куная, но его так и не последовало. Такое метательное оружие, как кунай и сюрикены, видимо, требовало слишком большой сноровки и практики для таких, как этот маленький отряд головорезов Гато, а может, они просто не любили их, но их было трое, и она была бы точно так же мертва, если бы одному из них удалось достаточно сильно ударить ее головой об окна лодочной рубки.

Первыми, как ни странно, до нее донеслись шаги толстяка, и она почувствовала, как дрогнуло сердце, когда что-то зацепилось за кончики ее волос.

Хватающие руки.

Она поравнялась с мачтой и теперь вцепилась в нее обеими руками, используя ее для того, чтобы менять направление движения гораздо быстрее, чем он. Она оттолкнулась от мачты, и то, как она оттолкнулась, позволило ей поднять ноги и упереть их ему в спину. Она собиралась сделать что-то еще, что не привело бы ее к удару, ведь в нескольких футах от нее находился еще один преследователь, но одна рука была в крови от разрыва троса, другая - в нервном поту, а одно запястье было слабее, чем следовало бы.

Мачта выскользнула из-под ее пальцев, и она опустилась на своего врага. Он попытался подняться, но она прыгнула вперед, запуталась пальцами в его волосах и со всей силой отчаяния прижала его лицо к палубе.

Раз, два, он обмяк, три - и вдруг на ее плечо легла холодная тяжесть, заставившая ее мгновенно отпустить свою жертву. Очень медленно, осторожно она повернула голову, пока периферийное зрение не выхватило из фокуса именно то, чего она опасалась.

Лезвие не было ухоженным. Он был покрыт ржавчиной и затуплен настолько, что в Академии его бы отчитали, но здесь, в реальном мире, она узнала, что для того, чтобы убить человека, не

требуется идеально ухоженное оружие.

"Думаю, - сказал он угрожающим тоном, - хватит с тебя, маленькая сучка". Меч лежал у нее на плече, слегка наклоненный так, что острие находилось над грудиной. Пока что острие было направлено прямо вниз, как у собаки, зубы которой слегка упираются в кожу, но не пройдет и минуты, как он вывернет его и снесет ей голову. Даже когда она подумала об этом, он еще немного надавил на лезвие, и оно распорол ткань ее платья и впилося в кожу.

Ее глаза рефлекторно метнулись к Тадзуна.

Она надеялась - даже не знала, на что надеялась, - но Тадзуна стоял, прислонившись спиной к перилам, как будто собирался прыгнуть в воду и попытаться счастья. Но ему это не удалось, и если бы он еще медленнее поднял руку, то проволока, натянутая вокруг его шеи, убила бы его. Его с мучительной медлительностью наматывал человек, чья ухмылка явно свидетельствовала о том, что он не был разочарован этими несколькими секундами боли и страха.

Он совсем не наблюдал за ней.

И Сакура поняла, что ей нужно делать. В какой-то момент она не захотела, совершенно не захотела быть героем, потому что она была шиноби, а у шиноби-героев имена высечены на одиноком камне, но тренировки, совесть, что-то подтолкнуло ее вперед.

Ее рука метнулась к под сумку с кунаем, и прежде чем ее похититель успел произнести лишь одно слово и сильнее надавить на меч, два куная были отправлены по безошибочной траектории прямо в ребра мужчины, а третий разлетелся в разные стороны. Тадзуна, не колеблясь, толкнул вперед одну руку, чтобы ослабить проволоку, а второй кулак с закаленной силой влетел в лицо нападавшего. Тот рухнул.

Сакура ничего этого не видела.

У нее даже не было времени проверить, верно ли она прицелилась. Почти сразу после того, как она отпустила меч - она не была достаточно хороша, чтобы бросать вслепую, даже на таком расстоянии, - она позволила себе отступить назад, угол ключицы не позволил мечу легко повернуться к ее горлу. Если бы он меньше давил вниз, если бы изначально повернул меч сильнее или подумал о том, чтобы уйти в сторону, она была бы мертва. Но как только Сакура оценила угол, Сакура бросилась на него спиной вперед.

Он раскинул руки в стороны и, едва Сакура успела отпрыгнуть в сторону, развернулся к ней с кунаем в каждой руке. Он зарычал и сделал выпад вперед, Сакура уклонилась и запуталась ногами в ногах потерявшего сознание мужчины.

Она тяжело упала, один кунай отлетел в сторону, и ей едва удалось уклониться от мощного удара сверху, который рассек бы ей спину, как гнилое бревно. Ее руки ударились о наклонную плоскость окон пилотской рубки, и она крутанулась в сторону, едва уловив стальную вспышку,

свидетельствующую об очередном ударе.

Дыхание сбилось, колени горели, и она была абсолютно уверена, что не сможет продолжать в том же темпе, но каким-то образом ужасный танец продолжался, когда она использовала мачту, чтобы избежать следующего удара, и сталь зазвенела с уродливым оттенком, свидетельствующим о том, что она плохо выкована.

Как будто это имело значение.

Уворачиваться становилось все труднее, она все больше уставала, пока один удар не пришелся почти в цель - лезвие просвистело между ее рукой и ребрами. Дальнейшие действия были инстинктивными. Она сильно сжала руку, поймав лезвие в плоский и почти безвредный в своей неподвижности захват. Оно порезало, но лезвие было настолько тупым, что без приложения силы не прорезало глубоко.

Она отбросила себя и меч в сторону, вырывая его из рук противника. Когда он бросился вперед, она выхватила свой кунай и глубоко вогнала его, в результате чего оказалась в круге его рук, словно в насмешке над объятиями. Сместив вес, она опустилась ниже, не обращая внимания на его руки, пытавшиеся вытащить ее обратно, и направила все силы на то, чтобы загнать кунай вверх. Она вздрогнула, приняв на себя его вес, и лезвие погрузилось глубже, разрываясь на части.

Жидкость, куда более густая и мерзкая, чем кровь, стекала по рукояти куная, капала с предплечий и локтей. Раны в животе не были мгновенно смертельными, но они были чрезвычайно болезненными. Это означало лишь то, что, хотя он и слабо сопротивлялся, прошло очень много времени, прежде чем его вес переместился на нее.

Какая-то часть ее сознания понимала, что ей следовало бы отстраниться раньше, разобраться с третьим мужчиной, который все еще был рядом, но она очень, очень устала. Она потратила почти все силы на этот единственный удар. Поэтому она неловко отступила назад, позволив ему упасть на палубу с глухим, мясистым стуком.

<http://tl.rulate.ru/book/100569/3438584>